

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ ВИНЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

О.ВАСИЛЬЕВА, Е. КОРОТКОВА

Цель данной статьи – осветить значение такой общечеловеческой эмоции, как вина, и особенности ее проявлений в общении и взаимоотношениях современного человека. Авторы предлагают не философское осмысление проблемы, а, скорее, подход к ней в прикладном плане. Переживание вины рассматривается с точки зрения конъюнктивности (сближающих, объединяющих людей чувств) или дизъюнктивности (разъединяющих чувств). Представлен широкий спектр воздействия вины на взаимоотношения людей. Приводятся обширные данные экспериментального исследования, которые позволили авторам сделать вывод, что зрелое осознанное чувство вины представляет собой идеальную модель, далеко не всегда находящую воплощение в реальной действительности. В практике внутренней жизни современного человека преобладают неосознаваемые, иррациональные формы вины, которые становятся непреходимым барьером в межличностных отношениях, разъединяют людей, затрудняют успешную адаптацию человека в обществе.

Вина – базовая человеческая эмоция и одновременно нравственная категория, которая обращает нас к самой сердцевине человеческого существования. Не случайно – многообразие ракурсов, в которых феномен вины рассматривался в истории человеческой мысли. Только в психологии и психотерапии, в зависимости от позиции исследователя, она предстает то как субъективное *чувство*, значимое само по себе, независимо от того, имеет или не имеет оно какие-либо объективные основания (З.Фрейд), то как *онтическая реальность*, местоположение которой не душа, а сама жизнь (Бубер, 1999), то как реальность, имеющая не какие-либо внешние, а *экзистенциально-онтологические* основания, когда вина рассматривается как ответ на личный выбор иметь *совесть* (Власова, 1999). Причем, можно заметить, что феномен вины в целом, особенно в русской культуре, рассматривается преимущественно в позитивном ключе, как нравственное чувство, которое играет в жизни общества роль социального регулятора, способствующего его интеграции на этических началах. Между тем, на основе многочисленных литературных источников можно говорить о существовании, по крайней мере, двух основных форм чувства вины – осознанной и неосознаваемой, иррациональной, а, следовательно, и о широком диапазоне тех весьма разных воздействий, которые данное чувство может оказывать на жизнь как отдельного человека, так и всего общества. Вот поче-

му рассмотрение вины только в позитивном плане – как нравственного переживания, *сближающего* людей, кажется нам недопустимо односторонним. Подобный взгляд может удовлетворять интересы этики, аксиологии, религии, но, в силу сложности человеческой психики, *не* психологии. Таковы предпосылки, из которых мы исходили, начиная наше исследование и ставя перед собой задачу – изучить влияние чувства вины на межличностные отношения и общение современного человека.

В дальнейшем переживания вины будут рассматриваться с точки зрения их *конъюнктивности* (разного рода сближающих, объединяющих людей чувств) или *дисъюнктивности* (разъединяющих чувства) (Андреева, 1998). При этом для нас не имеет существенного значения, идет ли речь о реальной вине или только субъективном чувстве. Поэтому вина и чувство вины практически используются как синонимы.

Если представить отношения между людьми в терминах «субъект» и «объект», то, по-разному комбинируя эти элементы, мы получим четыре возможных варианта отношений:

- 1) субъект-субъектные (я – субъект, ты – субъект);
- 2) субъект-объектные (я – субъект, ты – объект);
- 3) объект-субъектные (я – объект, ты – субъект) и
- 4) объект-объектные (я – объект, ты – объект).

Проведя параллели между выделенными типами, с одной стороны, и четырьмя моделями взаимодействий, предложенными М.С.Каганом и А.М.Эткингом (*общение, управление, обслуживание и коммуникация*) (Каган, Эткинд, 1988), субъект-субъектные отношения можно назвать общением; субъект-объектные отношения – управлением; объект-субъектные – обслуживанием и объект-объектные – коммуникацией.

Как видно, вина может выступать следствием либо причиной первых трех типов отношений, четвертый же, с данных позиций, является просто передачей информации, что, как правило, не предполагает переживания вины.

Итак, мы полагаем, что вина всегда проявляется в контексте социальных отношений. Это, как правило, вина перед кем-то или из-за чего-то, что вызывает страх неодобрения и заставляет стыдиться за себя. Практически все другие эмоции, кроме этих двух, – вины и стыда, – могут относиться к неодушевленным явлениям. Так, человек может испытывать страх перед грозными природными явлениями или испытывать к ним интерес, природа

может его удивлять или восхищать. Можно радоваться приобретению какой-то вещи или печалиться из-за ее потери, можно испытывать отвращение к тем или иным видам пищи. Агрессию способен вызвать даже камень, лежащий на дороге и мешающий пройти: споткнувшись, человек со зла может пнуть его ногой. Но вину и стыд человек не может испытывать ни по отношению к грозе как таковой, ни по отношению к камню, ни по отношению к любому другому неодушевленному предмету. Данные переживания возникают лишь тогда, когда человек смотрится в зеркало социальных отношений.

Рассмотрим, как может переживаться вина в каждом из трех оставшихся типов отношений, исключая объект-объектные

Вина в рамках *субъект-субъектных* отношений предполагает зрелую осознанную вину, которую человек способен в себе признать. В тех случаях, когда она не ограничивается вынужденным признанием *для других*, но выступает как раскаяние и покаяние, когда человек, осознав свою виновность, готов к внутреннему преображению себя, несомненно, следует говорить о конъюнктивности этого чувства.

В отечественной социальной психологии осознаваемая вина рассматривалась как «механизм установления и поддержания социального гомеостаза» (Сидоренко, 1971), призванный служить социальной интеграции. Некоторые авторы относят вину и стыд наряду с имитацией и идентификацией к четырем психологическим механизмам социализации. Причем они расцениваются как так называемые *негативные механизмы*, поскольку налагают запрет на определенное поведение или подавляют его (Смелзер, 1994). Механизмы подобного рода отсекают у человека импульс поступать в соответствии со стремлением исключительно к личному удовольствию и направляют его поведение в социально одобряемое русло.

Осознаваемое чувство вины регулирует поведение человека, заставляя его вести себя в соответствии с нормами, принятыми общественным сознанием, без учета которых само существование человечества стало бы проблематичным, и в этом ее функция, значение которой трудно переоценить.

Однако изучение функциональных характеристик вины, проявляющихся в сфере ее влияния на общение, заставляет признать, что и в рамках субъект-субъектных отношений она может играть не только конъюнктивную, но и дизъюнктивную роль.

Проблема заключается в том, что категория зрелой, признанной в себе вины продолжает оставаться в общественном сознании нравственным социальным идеалом, в то время как огромная доля спонтанного переживания вины бессознательна*. Таким образом, вина стала заложницей существующей в обществе двойной морали. Требуя от других осознания личной вины, сам конкретный человек собственной вины либо вовсе не признает, либо переживает ее в примитивных бессознательных, иррациональных формах. И соединяющей, во взаимном раскаянии, встречи двух людей в таких условиях, разумеется, не происходит. Остается лишь недовольство друг другом, взаимная обида.

Переживание вины в рамках *субъект-объектных отношений* (я выступаю в роли субъекта /цели/, а другой – в роли объекта /средства/) возникает в условиях, которые определяются как *манипулятивные*: человек-манипулятор вызывает вину у другого с тем, чтобы тот удовлетворил его желания, которые обычно идут вразрез с личными желаниями или интересами жертвы манипуляции.

Вина – мощное средство для манипулирования другими людьми, так как стимуляция у партнера чувства вины одновременно повышает его уступчивость. В результате манипулятор получает шанс удовлетворить свои потребности.

Манипулятивные установки по отношению к другим людям развиваются у человека с детства. Но, как справедливо отмечал Э.Шостром, манипуляторами не рождаются. «Их старательно лепят, создают из здоровых маленьких детей, вводя их за руку в манипулятивный мир современного человека. Первый урок они получают, разумеется, от своих родителей...» (Шостром, 1992, с.81). Манипулировать ребенком очень легко, ибо удовлетворение его потребностей (в безопасности, пище, чувстве общности) целиком зависит от ближайших взрослых. А манипуляция наиболее эффективна тогда, когда эксплуатируются именно неотъемлемые потребности тех, кто становится ее объектом. И родители не упускают шанса использовать открытые для них возможности. По мнению Э.Шострома, один из начальных приемов всемогущих, контролирующих родителей состоит в том, чтобы управлять ребенком, стимулируя в нем, прежде всего, пережи-

* Известно, что З.Фрейд связывал корни вины с эдиповым комплексом, который представляет собой бессознательное, ввиду работы защитных механизмов, специфическое отношение субъекта к авторитарным фигурам родителей (Фрейд, 1991).

вания стыда или вины, – тем самым, заставляя его вести себя в соответствии с желаниями старших. Но все возвращается на круги своя. Родители манипулируют ребенком – ребенок в ответ начинает манипулировать родителями.

По мнению Е.Л.Доценко, манипулятор «и сам является в известном роде жертвой манипуляции» (Доценко, 1996). Поскольку обязанности взрослых не ограничиваются лишь ролью родителей, а определяются целым рядом социальных ролей, то приоритеты зачастую выстраиваются таким образом, что времени на общение с ребенком не остается. Это, в свою очередь, заставляет родителей переживать вину перед детьми. Тогда их поведение становится компенсаторным. Они начинают задаривать свое чадо игрушками, потакать его желаниям. Ребенок не способен осознать причины противоречивого родительского поведения: то они строги и постоянно что-то запрещают, то становятся добрыми и вседозволяющими. Так видение мира ребенком лишается целостности. Между тем, одной из внутриличностных предпосылок манипуляции служит именно нецелостность (Изард, 1980). Теперь ребенок приобретает способность манипулировать своими родителями. Он вынуждает их выполнять все его желания, подсознательно используя уже знакомые манипулятивные приемы.

Научившись манипулированию в детстве, человек в дальнейшем оттачивает свое «искусство». Е.Л.Доценко для обозначения тех психических структур, на которые оказывается воздействие со стороны манипулятора, использует термин «мишень воздействия» (Доценко, 1996). Рассмотрим, каким образом вина может выступать такого рода «мишенью», тем более что за примерами далеко ходить не надо, они хорошо узнаваемы. Начальник, желая, чтобы подчиненный поработал сверхурочно, может отругать его за какую-то незначительную оплошность. Вызвав тем самым у подчиненного вину, он сообщает ему о своей просьбе. Подчиненный «с радостью» соглашается. Он готов на все, чтобы снять болезненные переживания. Другой пример: женщина о чем-то просит партнера, а он не спешит выполнять ее желания. В ответ она старается вызвать у него чувство вины, показывая, как страдает из-за того, что ошиблась в своих ожиданиях. Мужчине сложно переносить это чувство, и, стремясь от него освободиться, он делает то, что от него хотят, лишь бы восстановить мир в отношениях. Еще один весьма распространенный прием, когда манипулятор прибе-

гает к демонстрации болезни, причиной которой, якобы, является объект манипуляции.

К интересным результатам в контексте интересующей нас темы привел предпринятый нами анализ игр, структурно описанных Э.Берном (Берн, 1992). Как оказалось, подавляющая их часть так или иначе связана с виной. Эти игры удовлетворяют следующие цели: самообвинение (*Алкоголик*), получение прощения (*Гость-растяпа*), избавление от чувства вины (*Я всего лишь пытаюсь помочь вам*), самоутверждение (*Судебное разбирательство*, *Изъян*), оправдание себя и своего поведения (*Видишь, как я старался*; *Посмотри, что я из-за тебя сделал*; *Фригидная женщина*).

Цели игр «*Алкоголик*», «*Гость-растяпа*» и «*Я всего лишь пытаюсь помочь вам*» связаны с виной очевидным образом. Но, кроме *целей*, важным структурным компонентом игр служат *вознаграждения*, которые могут быть биологическими, внутренними психологическими, внешними психологическими, экзистенциальными. Вознаграждения, которые получают участники трех названных выше игр, также тем или иным образом связаны с изучаемой нами проблемой. Так, в игре «*Алкоголик*» *внутренним психологическим вознаграждением* является самобичевание, *экзистенциальным* – подтверждение позиции «Все хотят меня обидеть»; в игре «*Гость-растяпа*» *экзистенциальным вознаграждением* выступает подтверждение позиции «Я ни в чем не виноват» (такое подтверждение выполняет защитную функцию против бессознательной вины).

Существует ряд игр, в которых роль вины проявлена с меньшей очевидностью. Цели этих игр связаны с виной лишь косвенно. Однако те вознаграждения, которые получают их участники, определяются именно данным переживанием. Например, в игре «*Судебное разбирательство*» *внутреннее психологическое вознаграждение* заключается в проекции чувства вины; *внешнее психологическое* – в освобождении от этого гнетущего чувства; *биологическое* – в «поглаживаниях», идущих от «судьи и присяжных»; *экзистенциальное* – в подтверждении депрессивной позиции «Я всегда не прав». В игре «*Видишь, как я старался*» в качестве внутреннего психологического вознаграждения выступает освобождение от чувства вины, вызванного собственной агрессией; внешнего психологического – избавление от ответственности за семью; а в качестве экзистенциального – подтверждение позиции «Я беспомощен (ни в чем не виноват)». В игре «*Посмотри, что я из-за тебя сделал*» вознаграждение заключается в уходе от ответ-

ственности и подтверждении позиции «Я ни в чем не виноват». Необходимость получить подтверждение данной позиции, как указывалось выше, обусловлена потребностью в избавлении от бессознательной вины. Эти примеры можно было бы продолжить, но суть ясна.

Социальная парадигма большинства игр, связанных с виной и описанных Э.Берном, разыгрывается на уровне Взрослый-Взрослый, психологическая же парадигма – на уровне Родитель-Ребенок и Ребенок-Родитель. Таким образом, трансакции этих игр внешне представлены как взаимодействия зрелых ответственных людей, на самом же деле здесь встретились всемогущие, грозные родители и вечно в чем-то виновные дети, которые продолжают жить в глубине личности вступивших в игру партнеров. Вина и диктуемые ею потребности – в избавлении от страданий либо в наказании, также выполняющем защитную функцию, – остаются скрытыми, хотя и являются подлинно действующей причиной целого ряда игр. «Многие игры совершенно необходимы некоторым людям для поддержания душевного здоровья. У этих людей психологическое равновесие столь неустойчиво, а жизненные позиции столь шатки, что стоит лишить их возможности играть, как они впадут в безысходное отчаяние», – приходит к заключению Э.Берн (*там же*), в очередной раз подтверждая, что вина – крайне болезненное переживание, от которого люди любыми путями стремятся освободиться. Но, увы, мало кто способен прямо признаться окружающим в своей вине и позитивным способом искупить ее (реализация позиции «Взрослого» – по Берну и «Актуализатора» – по Шострому). Большинство остается во власти «сценариев», где главные роли принадлежат Родителю и Ребенку, что приводит к глубоким искажениям общения. Игры – суррогат истинной близости, поскольку, навязывая человеку ту или иную «роль», не дают проявиться его истинному «Я» (*Рюмина, 1997*).

Перейдем к третьему типу социальных отношений – *объект-субъектных* (я выступаю в роли объекта, а другой – в роли субъекта). Переживания вины возникают здесь в двух случаях. Во-первых, когда человек оказывается в позиции манипулируемого в силу того, что направленная на него манипуляция носит скрытый, завуалированный характер. Во-вторых, когда объект манипулирования имеет глубокую внутреннюю склонность к тому, чтобы чувствовать вину. При этом самообвинение, как правило, не осознается и проявляется автоматически.

Корни такой «иррациональной» вины следует искать в неблагоприятной социальной атмосфере, окружавшей жертву манипуляции с детства. Решающая роль принадлежит постоянным, заслуженным и незаслуженным, обвинениям как неотъемлемому элементу домашнего воспитания. Возможно также, что в детстве человек перенес психотравму, например смерть одного или обоих родителей либо их развод. В детском возрасте человек еще не способен правильно оценить значение травматичного для него события, поэтому очень часто вину за произошедшее ребенок берет на себя. В дальнейшем вина становится стереотипом реагирования на многие социальные ситуации. Возможно также, что ребенок рос в семье, где один из родителей занимал позицию жертвы, безропотно переносящей жестокое отношение кого-либо из других членов семьи, например супруга. Сам ребенок в такой семье может быть объектом всеобщей любви. Но, будучи чувствительным существом, склонным к состраданию, он может идентифицироваться с родителем-жертвой. Жалея жертву, сын или дочь добровольно решает разделить ее страдание и тем самым делает шаг на пути отречения от своих естественных нужд и прав. Он начинает думать, что не вправе веселиться, радоваться жизни, быть активным наравне со сверстниками, когда родителю плохо. А став взрослым, такой человек отрекается от своего «Я» в пользу интересов партнера по общению. Часто он сам не только позволяет другим относиться к себе как к объекту, но и невольно вынуждает их к подобному отношению.

Вина в объект-субъектных отношениях, как правило, носит бессознательный характер. Бессознательное чувство вины представляет собой мощную мотивирующую силу, которая оказывает огромное влияние на взаимоотношения людей. Это влияние носит, по преимуществу, негативный характер, поскольку такая форма вины по природе конфликтогенна.

К сожалению, в отечественной психологии мотивирующей силе бессознательной вины уделяется недостаточно внимания. Между тем, психические явления, оставаясь неосознанными, приобретают более сильную динамику и, в связи с этим, получают еще большую власть над жизнью человека. Рассмотрим механизм воздействия бессознательной вины на межличностные отношения.

Известно, что эффективное общение предполагает знание человеком *психологических границ* – как своих собственных (то, что в психоанализе называется чувством *self*), так и партнера по общению. У тех, кто нагружен

бессознательным чувством вины, данная способность, как правило, нарушена. Вследствие интроекции авторитетов, экспансивно вторгнувшихся в сознание, а затем и бессознательное такого человека, его границы оказываются размытыми. Авторитетные фигуры при этом разрастаются в размерах, становятся безгранично большими. Если человек вновь и вновь испытывает вину по отношению к авторитету, то данное чувство становится генерализованным (Кемпински, 1975). Люди, затронутые этим чувством, приобретают устойчивую склонность реагировать в межличностном общении возникновением чувства вины. Поскольку сознание неспособно постоянно справляться со столь тягостным чувством, то последнее становится бессознательным. Такой человек моментально интроецирует каждого, с кем входит в контакт, даже самый незначительный, например, с продавцом в магазине. Здесь возможно переживание вины из-за неловко заданного вопроса, выбора слишком дешевого или, напротив, дорогого товара, из-за того, как ты выглядишь, как одет, из-за свойственных каждому оплошностей, не заслуживающих болезненных переживаний. Чувство вины не позволяет иметь собственное мнение (и поэтому, боясь потерять одобрение, признание окружающих, виноватый человек постоянно ориентируется на суждения других), заставляет постоянно смущаться, испытывать тревогу, чувствовать себя фрустрированным (Фромм, 1992; Хорни, 1997б).

В книге одного из представителей глубинной психологии Джозефа Вайсса, носящей название «Как работает психотерапия» (1998), раскрываются многообразные искажения взаимоотношений, вызванные переживанием чрезмерной вины. Будучи практикующим психотерапевтом, Д.Вайсс отмечает, что многие пациенты, обращавшиеся к нему с жалобой на сложность своих взаимоотношений с окружающими, были отягощены бессознательным чувством вины. Часто они настолько боялись почувствовать чье-то неодобрение, что теряли способность к свободному общению. Излишняя ранимость этих людей мешала им получать удовольствие от контактов (автор подчеркивает, что такого рода пациенты обычно имеют властных и требовательных родителей, которые имели обыкновение обвинять их в своих несчастьях). Многие из пациентов не могли противостоять обвинениям, предъявляемым к ним другими, в результате нередко позволяли обвинять себя несправедливо. На сознательном уровне они не признают своей вины, но одна из основных их жалоб сводится к тому, что, будучи кем-то обвиненными, они не могут защищаться, а только плачут и чувст-

вуют себя глубоко несчастными. Эти люди боятся ссор, не зная, как с ними справиться. По нашему наблюдению, они могут быть весьма конформными в общении с малознакомыми людьми. В то же время взаимоотношения с близкими превращаются для них в бесконечную цепь скрытых и явных конфликтов.

Автор приводит в пример отягощенную виной пациентку, которая так боялась испытать это чувство, что ни в коем случае не могла признать себя неправой. Конфликтуя с мужем, она пыталась пробудить в нем сочувствие, со слезами на глазах доказывая свою невиновность. И одновременно прилагала недюжинные усилия, чтобы свалить вину на него. С язвительной бранью она поносила мужа, обвиняя его в своем несчастье.

Автор утверждает, что человек с бессознательным чувством вины может настойчиво портить свои отношения с партнером, чтобы они не были лучше, чем взаимные отношения его родителей. Если родители не обладали способностью получать удовольствие от своих детей, то и он не позволит себе такой радости. Ребенок, выросший в несчастной семье, как правило, считает несчастье в жизни чем-то само собой разумеющимся. Он может и не догадываться, что, даже став самостоятельным и покинув родительский дом, поддерживает уровень несчастья, соответствующий тому, к которому привык в детстве. Следовательно, вина способна лишать радости общения не только своего обладателя, но и контактирующих с ним людей.

Когда в процессе психотерапии эти люди при участии терапевта развивают в себе умение сопротивляться чувству вины, им становится и легче общаться, и строить свои отношения с другими.

Поведение, обусловленное чувством вины, компенсаторно по своей природе. Оно побуждается потребностью в оправдании (в собственных глазах и глазах окружающих), желанием избежать наказания или, напротив, потребностью в наказании, чтобы умиротворить других, обезопасить себя от их нападков. Вот почему считается, что вина повышает уступчивость (Вайсс, 1992; Гаврилица, 1992; Фромм, 1998; Хорни, 1997б). На первый взгляд, может показаться, что уступчивость улучшает взаимоотношения, делает их толерантными. В известной степени, это действительно так. Данная черта усиливает модели поведения, способствующие поддержанию межличностных отношений. Вместе с тем, вряд ли нуждается в доказательстве тот факт, что за такой уступчивостью, как правило, скрываются глубокие проблемы. Так называемый «комплекс обязанного», который прояв-

ляется в переживании чувства обязанности угождать партнеру, собеседнику, – только одна из них.

Тот, чьим поведением руководит вина, как указывает К.Хорни, «может неизменно и без разбору делать что-то для других: ссужать им деньги, обеспечивать работой, выполнять их поручения, и в то же время он совершенно не способен сделать что-либо для себя» (Хорни, 1997б). Виноватый человек может даже не осознавать своих жизненных претензий. Он избегает контактов с людьми, которые ему нравятся и могли бы быть полезны. Это право, как и многие другие, он как бы уступает более удачливым людям. «Возникающее в результате этого отношение к жизни напоминает чувство безбилетного пассажира, которому нужно оставаться незаметным и который не имеет собственных прав» (там же). О.А.Гаврилица (1992) по поводу таких случаев использует термин «синдром самопожертвования».

В связи с виной человек может «принимать на себя ответственность за независимые от него события (Бернс, 1997; Вайс, 1992; Хорни, 1997а). По поводу этого явления существуют очень глубокие толкования, из которых мы отметим лишь частичные нарушения процесса социальной перцепции, которыми они сопровождаются. Человеку кажется, «будто окружающие его осуждают или ожидают от него чрезмерных достижений, хотя на самом деле нет ни замечаний, ни требований в его адрес. Общение человека, склонного к переживанию вины, лишается естественности, спонтанности. У К.Хорни мы находим следующий пример: «У такого человека обычно имеется тенденция по малейшему поводу чувствовать себя виноватым. Если кто-то хочет увидеться с ним, его первая реакция – ожидание услышать упрек за что-либо сделанное им ранее. Если друзья не заходят и не пишут какое-то время, он задается вопросом, не обидел ли он их чем-то. Он берет на себя вину, даже если не виноват» (Хорни, 1997б).

Таким образом, вина оказывает искажающее воздействие на социальную перцепцию.

Присущее вине свойство выступать причиной негативного эмоционального отношения не только к себе, но и к окружающим отмечал известный польский психиатр А.Кемпински (1975). На первый взгляд, утверждение, что человек, испытывающий вину, негативно относится к окружающим, кажется парадоксальным. Автор в своем рассуждении дает этому убедительное объяснение. Он полагает, что в чувстве вины отрицательные эмоции, направленные, прежде всего, на их носителя («обиженный человек в

результате этого представляется во все более черном цвете»), вскоре отражаются вовне, и, в конце концов, «создается мнение, что обиженный человек действительно виноват в том, что обидчик должен страдать». В результате этого, по мнению А.Кемпински, чувство вины теснейшим образом переплетается с чувством обиды. Разумеется, столь сложный комплекс противоречивых эмоций по отношению к себе и другому не может не отягощать межличностное общение.

О том, что вина нарушает социальную адаптацию, оказывает негативное воздействие на общение, искажает отношения, упоминается в работах многих исследователей (Андреас С., Андреас К., 1997; Бернс, 1997; Литвак, 1995; Пинт, 1998; Шевандрин, 1993).

Мы рассмотрели роль вины в межличностном общении. Обратимся теперь к другому разделу социальной психологии – сфере общественных отношений. Поскольку общественные отношения не существуют вне межличностных, то следует предположить, что воздействие вины распространяется и на эту область. Действительно, в работе Эриха Ноймана, одного из виднейших последователей Карла Юнга, мы находим подтверждения нашей гипотезе. Автор уверен, что самая большая опасность, подстерегающая человечество, таится в социально-психологическом феномене, известном под названием *козла отпущения*. А этот феномен, в свою очередь, он связывает с виной, продуцируемой общественной этикой.

Чтобы понять характер этой связи, изложим взгляды Э.Ноймана на психологию вины. По его мнению, психология вины определяется особенностями старой этики, влияние которой до сих пор ощутимо в обществе. В ее основе лежит проблема борьбы между добром и злом, светом и тьмой. Идентифицируясь с ценностями этой этики, индивид оказывается в ситуации раскола своей психики. Его Эго, его сознание идентифицируется с ценностями коллектива, все же, что отрицается общественными этическими ценностями, становится достоянием бессознательного, приобретая в теории К. Юнга, а вслед за ним и Э.Ноймана название *Тени*. Чувство вины возникает в процессе формирования тени, поскольку «тень показывает несостоятельность светлой мечты Эго о своей идентичности с идеальными ценностями». Чувство вины, как отмечалось в начале статьи, вызывает потребность в разрядке, очищении, сближении с ценностями, необходимыми обществу. А обеспечить это «на примитивном уровне, на котором сознание индивидов, составляющих коллектив, еще относительно слабо развито»,

способна «только внешняя проекция тени» (*там же*). Именно на основе проекции тени, согласно Э.Нойману, возникает *психология «козла отпущения»*. Самый простой способ избавления от вины заключается в том, чтобы уничтожить тень в форме этого метафорического образа.

Известно, что в иудаизме существовал обычай изгнания козла отпущения в качестве ритуала коллективного снятия вины. Процедура всеобщего очищения заключалась в торжественном возложении символических прегрешений на главу пресловутого козла, которого затем изгоняли, отсылая в пустыню.

Метод избавления от вины, практикуемый в иудаизме, можно считать классическим способом изгнания козла отпущения. В современном цивилизованном мире общество в лице групп и разных коллективов избавляется от вины с помощью не столь откровенных методов, в основе которых, тем не менее, скрыта все та же психология. «Эта психология определяет внутреннюю жизнь государств и международные отношения», – приходит к глобальному заключению автор (*там же*). Так, отражением «психологии козла отпущения» Э.Нойман считает массовые умопомешательства в виде войн и революций классового и религиозного характера, а также партийных конфликтов. Жертвами теневой проекции, лежащей в основе феномена козла отпущения, автор считает также чужестранцев. Объясняет он это тем, что «примитивная личность (а в каждом народе массовая личность реагирует как примитивная личность) не способна осознать зло как свое личное зло, поскольку ее сознание еще слабо развито. Поэтому массовая личность неизменно воспринимает зло как нечто чуждое» (*там же*). Таким образом, Э.Нойман подразумевает, что одной из основных психологических причин межнациональных конфликтов, расовой дискриминации, войн следует считать комплекс вины.

Еще одним проявлением «психологии козла отпущения», согласно Э.Нойману, выступают гонения на незаурядных людей – общественных лидеров, высокоодаренных и гениальных личностей. В качестве примеров бесконечного ряда таких героев он приводит имена Иисуса, Сократа, Галилея. Причина преследования незаурядных, выдающихся личностей состоит, по мнению автора, в том, что люди подобного рода рассматриваются массами в качестве «чужеродных элементов». Массы, по лености своей «не желающие сдвинуться с центральной позиции», приносят в жертву «маргинальных представителей общества, будь то неполноценные личности,

опустившиеся ниже среднего коллективного уровня, или незаурядные люди» (*там же*).

В контексте изучаемой нами темы особенно важен вывод, к которому приходит Э.Нойман, утверждая, что особая жестокость характерна для двух типов личностей, *отягощенных виной*. Первым присуще аскезо-героическое отношение к жизни, с осознанным принятием вины и страдания. У других чувство вины и страдание остаются бессознательными. Обе группы отрицают отрицательное, тем самым бессознательно подкрепляя его, что в реальной жизни приводит к садизму и жажде разрушения. К примерам общественных явлений, реализуемых индивидами первой группы, автор относит пуританство и инквизицию, законнический иудаизм фарисеев и парадоксальную дисциплинированность прусской ментальности. Такие социально-исторические явления, как «политика окружения», «заговор сионских мудрецов», «белая», «черная» или «желтая опасность», стремление капиталистов или большевиков к «мировому господству», согласно Э.Нойману, являются следствием вины и в качестве ее выражения – паранойяльных реакций, присущих индивидам второй группы.

Из сказанного видно, что психологической первопричиной многих актов жестокости, происходящих на общественном уровне, выступают отнюдь не непосредственно агрессивность и враждебность, как принято считать, а, что на первый взгляд выглядит крайне парадоксальным, именно чувство вины – той вины, которая является наследием старой этики, поныне сохраняющей свою силу в обществе.

Э.Нойман утверждает, что «психология козла отпущения», овладевающая умами людей с расщепленной психикой, проецирует свою теневую сторону в форме вины на образ внешнего врага и тем самым оказывает пагубное влияние на жизнь не только отдельных индивидов, но и общества в целом. Не отрицая значения старой этики, сыгравшей значимую роль в развитии общества на его прежних этапах (рождение Эго и укрепление его позиций в хаосе бессознательного), автор утверждает, что настало время отказа от нее самой и порождаемой ею вины в пользу этики новой. Новая этика побуждает осознать тень и интегрировать ее в целостность личности.

Результаты представленного выше теоретического исследования, выявившие дизъюнктивные функции вины, подтверждаются проведенным нами экспериментом (*Короткова, 2002*).

В основу данного эксперимента была положена гипотеза, согласно которой вина выступает интегральной характеристикой системы отношений личности, в которую включены непринятие себя и других, враждебность, подозрительность, обидчивость, экстернальность (внешний контроль) и ведомость. Исходя из гипотезы, задача эксперимента была определена как изучение взаимосвязи вины с системой отношений личности, ее социально-психологическими характеристиками и особенностями социально-психологической адаптированности.

В эксперименте участвовали 257 человек. В их число входили: а) респонденты с разными полоролевыми характеристиками, среди которых – 74 испытуемых-мужчин и 101 женщина, и б) респонденты, имеющие отличия в ориентации по отношению к обществу: просоциальные мужчины, т.е. законопослушные субъекты (74 испытуемых) и асоциальные мужчины – лица, совершившие преступления против личности (82 испытуемых). Выборка выравнивалась по важным социальным характеристикам: образованию и возрасту (18 - 40 лет).

В качестве метода исследования было выбрано тестирование, в ходе которого использовались пять стандартных методик:

1) Опросник социально-психологической адаптированности личности (шкала *СПА*), разработанный в оригинале К.Роджерсом и Р.Даймонд и адаптированный к отечественным условиям Т.В.Снегиревой, повторно опробованный А.К.Осницким. Шкала *СПА* позволяет изучить систему отношений личности, а также особенности саморегуляции, что в целом находит отражение в ее социально-психологической адаптированности или дезадаптированности (авторы методики используют термин *adjustment*, т.е. *приспособление* как *саморегуляция*). Инструмент включал суждения, которые соответствовали следующим концептам: принятие-непринятие себя и других, доминантность-ведомость, интернальность-экстернальность, эмоциональный комфорт-дискомфорт, т.е. мироощущение, наполненное положительными либо отрицательными эмоциями, эскапизм (тенденция к уходу от проблем, а также их решения) (Снегирева, 1975; 1976).

2) Опросник Меграбяна, направленный на исследование таких социально-психологических установок и отношений личности, как эмпатическая тенденция; тенденция к присоединению, проявлению дружелюбия, поддержки; сензитивность к отвержению, к критике в свой адрес. По утвер-

ждению автора, шкала сенситивности к отвержению позволяет измерить способность к переживанию адекватного чувства вины.

3) Опросник межличностных отношений В.Шутца, адаптированный А.А.Рукавишниковым, позволяющий оценить характерные для человека межличностные отношения: заинтересованность-незаинтересованность, доминирование-подчинение, эмоциональная близость-отчужденность.

4) Опросник Баса-Дарки, предназначенный для оценки агрессивных и враждебных отношений и реакций: помимо агрессивности и враждебности, также – негативизма, обидчивости, подозрительности, раздражительности и чувства вины.

5) Опросник межличностной вины (*IGQ*), позволяющий измерить четыре типа иррациональной межличностной вины. Инструмент разработан группой американских психологов (*L.E.O'Connor, J.W.Berry, J.Weiss, M.Bush & H.Sampson*) и был адаптирован нами с помощью экспертных оценок, а также проверен на валидность и надежность (с применением коэффициента альфа Кронбаха на выборке из 118 респондентов).

Один из методов обработки – корреляционный анализ показателей*.

Представим совокупную таблицу полученных корреляций (табл. 1).

Таблица 1

Результаты корреляционного анализа взаимосвязи показателей вины и показателей социально-психологических характеристик личности

Характеристики личности	Чувство вины	СО	Вина выжившего	Вина отделения	Вина гиперответности	Вина ненависти к себе
1	2	3	4	5	6	7
Соц. адаптив-ть	-,405(**)	-,312(**)	-,449(**)	-,326(**)	-,296(**)	-,538(**)
Принятие других	-,224(**)	-,204(**)	-,261(**)	-,197(**)	-0,086	-,442(**)
Принятие себя	-,308(**)	-,225(**)	-,513(**)	-,448(**)	-,264(**)	-,523(**)
Интернальность	-,253(**)	-,227(**)	-,240(**)	-,161(*)	-,195(**)	-,404(**)
Эмоц. комфорт	-,458(**)	-,291(**)	-,434(**)	-,300(**)	-,309(**)	-,494(**)
Доминирование	-,278(**)	-,372(**)	-,308(**)	-,235(**)	-,238(**)	-,238(**)
Адаптивность	-,284(**)	-,203(**)	-,410(**)	-,257(**)	-,147(*)	-,376(**)
Дезадаптивность	,375(**)	,308(**)	,408(**)	,321(**)	,321(**)	,528(**)

* При обработке результатов использовалась компьютерная программа анализа данных “STATISTICA”.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ ВИНЫ В СОВРЕМЕННОМ...

Принятие себя	-,248(**)	-,179(**)	-,438(**)	-,294(**)	-,150(*)	-,391(**)
Непринятие себя	,366(**)	,219(**)	,498(**)	,443(**)	,278(**)	,570(**)
Принятие других	-,157(*)	-,166(**)	-,215(**)	-0,059	-0,082	-,312(**)
Непринятие других	,206(**)	,208(**)	,265(**)	,239(**)	0,108	,393(**)
Эмоц-й комфорт	-,319(**)	-,224(**)	-,293(**)	-,279(**)	-,218(**)	-,232(**)
Эмоц-й дискомфорт	,373(**)	,256(**)	,386(**)	,232(**)	,274(**)	,525(**)
Внутр. контроль	-0,024	-0,043	-0,115	-0,014	0,017	-0,052
Внешний контроль	,307(**)	,237(**)	,270(**)	,180(**)	,239(**)	,435(**)
Доминантность	-,128(*)	-,273(**)	-,268(**)	-,184(**)	-0,088	-0,057
Ведомость	,232(**)	,358(**)	,224(**)	,161(*)	,212(**)	,333(**)
Эскапизм	,276(**)	0,101	,217(**)	,227(**)	,204(**)	,357(**)
Физ. Агрессивн-ть	,145(*)	-0,015	0,05	0,004	0,087	,239(**)
Вербальн. агрессив-ть	0,037	-,221(**)	-,128(*)	-0,04	,166(**)	-0,098
Косв. агрессив-ть	0,003	0,069	-,142(*)	-,188(**)	-0,054	-0,081
Раздражительность	,176(**)	-0,012	0,061	0,057	,159(*)	,142(*)
1	2	3	4	5	6	7
Агрессивность	,129(*)	-0,087	-0,057	-0,048	,144(*)	0,066
Негативизм	,140(*)	0,034	0,062	0,003	,164(**)	,128(*)
Подозрительность	,268(**)	,162(**)	,228(**)	,204(**)	,128(*)	,355(**)
Обидчивость	,525(**)	,148(*)	,393(**)	,332(**)	,417(**)	,434(**)
Враждебность	,419(**)	,170(**)	,321(**)	,255(**)	,316(**)	,428(**)
Эмпатия	,238(**)	,199(**)	,137(*)	0,076	,300(**)	0,015
Присоединение	-,134(*)	-0,004	-,133(*)	-0,06	,126(*)	-,312(**)
Ie (незаинтересованность)	-0,068	-0,092	-,160(*)	-0,032	0,084	-,183(**)
Iw (заинтересованность)	-,162(**)	0,039	-,257(**)	-,223(**)	-0,093	-,165(**)
Ae (эмоциональная отчужденность)	-0,059	0,018	-0,004	0,023	,132(*)	-,155(*)
Aw (эмоциональная близость)	-0,08	,161(**)	-,152(*)	-,155(*)	-0,003	-,179(**)
Се (доминирование, ответственность)	-0,023	0,037	-,180(**)	-,134(*)	0,062	-0,04
Cw (подчинение, безответственность)	0,113	0,049	0,027	0,015	-0,079	0,027
** Корреляция значима при уровне 0.01.						
* Корреляция значима при уровне 0.05.						

Приведенные в таблице 1 данные обнаруживают наличие корреляционных связей между показателями всех шести шкал вины («чувство вины»,

СО, «вина выжившего», «вина отделения», «вина гиперответственности», «вина ненависти к себе») с факторами, отвечающими критериям адаптированности или дезадаптированности личности в группе, которые были измерены с помощью опросника *СПА*. Так, выявлены значимые положительные корреляционные связи вины (исключая вину гиперответственности) с такими факторами, как непринятие других и непринятие себя, экстернальность (ориентация на внешний контроль), ведомость в отношениях, эскапизм, т.е. тенденция к уходу от проблем и их решения (исключая шкалу СО), а также с тенденцией к переживанию негативных эмоций (эмоциональный дискомфорт). Одновременно выявлены значимые отрицательные связи вины с такими базовыми отношениями личности, как принятие других (также исключая «вину гиперответственности») и себя, интернальностью (внутренний контроль над ситуацией), с общей тенденцией к переживанию положительных эмоций (эмоциональный комфорт).

Показатели всех шести шкал вины значимо положительно коррелируют со следующими отношениями (опросник *Басса-Дарки*): обидчивость – враждебность – подозрительность. Кроме того, неярко выраженные корреляционные связи обнаружены между показателями шкал «чувство вины» и «вины гиперответственности», с одной стороны, с показателями раздражительности, негативизма и агрессивности. «Вина ненависти к себе» коррелирует с раздражительностью и негативизмом.

Показатели шкал «чувство вины», СО, «вина выжившего» и «вина гиперответственности» обнаруживают значимую положительную корреляционную связь со шкалой «эмпатия» (опросник *Меграбяна*). Вместе с тем, выявлены значимые отрицательные корреляционные связи между шкалами «чувство вины», «вина выжившего», «отделения», «гиперответственности», «вина ненависти к себе», с одной стороны, и шкалой «присоединение» того же опросника, которая отражает способность проявлять дружелюбие, поддержку в активных формах.

Ряд показателей *Теста межличностных отношений Шутца* обнаруживают невысокие, но значимые связи со шкалами вины. Отрицательно коррелируют данные вины (шкалы «вина выжившего», «отделения» и «вина ненависти к себе») и такие показатели теста, как включенность (заинтересованность) в отношения (*Iw*), а также эмоциональная близость (*Aw*). В дополнение к указанным корреляциям с эмоциональностью отношений отрицательно связаны показатели шкалы «чувство вины».

Таким образом, у людей, склонных к переживанию вины, выявляются тенденции общаться преимущественно с малым количеством людей, соблюдая осторожность при выборе лиц, с которыми могут быть установлены глубокие эмоциональные отношения. Вместе с тем, комплексное переживание вины выжившего и ненависти к себе, отрицательно коррелируя с незаинтересованностью в межличностных отношениях (*Ie*), сочетается с непереносимостью одиночества, вызывая конфликтующее с «невключенностью» в общение стремление к поиску контактов.

Обнаружена также отрицательная корреляция между переживаниями «вины гиперответственности», а также «вины ненависти к себе», с одной стороны, и эмоциональной близостью (*Aw*), с другой, что может говорить об осторожности человека, склонного к переживанию этих оттенков вины, в установлении близких эмоциональных отношений. Данные «вины выжившего» и «вины отделения» отрицательно коррелируют с показателями доминирования, ответственности, то есть контроля (*Ce*). Иначе говоря, склонность к переживанию такого рода вины может заставлять человека избегать принятия решений и принимать на себя ответственность.

Итак, результаты статистического анализа полученных данных показали, что вина, традиционно рассматриваемая как механизм социального контроля, с помощью которого человек побуждается к реализации поведения, соответствующего общественным нормам и культурным традициям, на практике *отрицательно соотносится* с некоторыми базовыми отношениями личности и факторами, которые могут рассматриваться в качестве индикаторов ее социально-психологической приспособленности. Таким образом, полученные нами эмпирические данные совпадают с выдвинутыми на теоретическом уровне гипотезами, согласно которым вина нарушает социальную адаптацию человека, препятствует межличностным контактам, искажает его отношения с окружающими (*Бернс, 1997; Гозман, 1987; Хорни, 1997а* и др.). Социальная адаптация описывается через такие категории, как единство, гармония, общее принятие себя и окружающих, соответствие, согласованность, способность к внутреннему контролю, саморегуляция и др. (*Растигеев, 1984; Снегирева, 1976*). Отрицательная связь социально-психологической адаптированности с виной, по нашему мнению, объясняется тем, что вина ориентирует человека на соответствие социальным нормам в ущерб ощущению человеком единства, гармонии и согласованности с миром и самим собой. Между тем, когда речь идет о трудностях

общения, акцент делается на его субъективной стороне, которая характеризуется эмоциональным переживанием дискомфорта, напряжения, неблагополучия (Куницина, 1995; Фрейд, 1991).

Нами выявлены значимые положительные корреляционные связи показателей вины с теми отношениями личности, которые делают ее субъектом затрудненного общения. Субъект затрудненного общения – это человек, у которого нарушена система отношений к миру и самому себе. При этом особо выделяются такие черты и отношения личности, как обесценивание себя и других, недоверие к себе и другим (Горянина, 1997; Менджерицкая, 1998), негативизм, враждебность, ненависть (Менджерицкая, там же), подозрительность (Куницина, 1997; Ногерова, 1997), склонность к переживанию негативно окрашенных эмоций (Менджерицкая, там же; Пацявичус, 1985; Поршнев, 1979; Daly, McCroskey, 1984; Spitzberg, Cupach, 1984).

Ко всему, отмеченному выше, следует добавить, что наиболее тесно коррелируют между собой показатели вины и обидчивости, которая предполагает неприязнь к окружающим и зависть, что обусловлено чувством горечи, гнева на мир из-за действительных или мнимых страданий (Бурлачук, 1999).

Одновременное сочетание корреляционных связей показателей вины и неприятия себя и других, а также эскапизма (ухода от решения проблем, бегства в никуда), указывает на то, что характеристики человека, склонного к переживанию вины, соответствуют моделям субъекта затрудненного общения, разработанным В.А.Лабунской (1997), Ю.А.Менджерицкой (1998) и М.Т.Ногеровой (1887). Главные особенности субъекта затрудненного общения, по мнению указанных авторов, – объектное, внеценностное отношение к другому и самому себе, сочетающееся с использованием механизмов психологической защиты, препятствующих осознанности своих отношений.

Условием развитой сферы общения выступают субъект-субъектные отношения (Ломов, 1984), в то время как первопричиной трудностей в этой сфере является объектное отношение к себе или партнеру (Бреус, 1999). Важнейшее условие субъект-субъектного общения – симметричные, равные отношения. Между тем, проведенное нами исследование, помимо указанных выше связей вины с негативным отношением к себе и другим, выявило также существенную связь ее показателей с ведомостью в отношениях, внешним контролем над своей ситуацией. Таким образом, человек,

склонный к переживанию вины, нарушает гармонию, равенство и принцип ответственности в отношениях, так как имеет тенденцию ставить себя по отношению к другим и внешнему миру в целом в позицию объекта.

С целью дополнительного подтверждения гипотезы о наличии связи между показателями переживания вины и системой отношений личности, способствующей возникновению затруднений в общении, матрица полученных данных была подвергнута факторному анализу. Экстракция факторов осуществлялась методом главных компонент (*Component Matrix, Rotated Component Matrix*) (табл.2).

Таблица 2

**Результаты факторного анализа взаимосвязи показателей вины
и социально-психологических характеристик личности**

Характеристики личности	Компоненты			Компоненты		
	1	2		3	1	2
Соц-я адаптация	-,937			Соц-я адаптация	-,900	
Дезадаптивность	,882	,161		Дезадаптивность	,891	,199
Принятие себя	-,828	,269		Эмоц-й комфорт	-,820	
Эмоц. дискомфорт	,820			Эмоц. дискомфорт	,804	,115
Непринятие себя	,813	-,124		Непринятие себя	,782	
Эмоц-й комфорт	-,812	,123		Внешн. контроль	,773	,283
Интернальность	-,801			Принятие себя	-,772	,239
Внешн. контроль	,771	,250		Интернальность	-,764	-,101
Принятие других	-,702	-,215		Вина ненависти к себе	,656	
Адаптивность	-,688	,455		Ведомость	,653	-,122
Вина ненависти к себе	,677			Вина выжившего	,626	-,111
Принятие себя	-,619	,451		Чувство вины	,596	
Вина выжившего	,609	-,137		Адаптивность	-,567	
Непринятие других	,605	,218		Доминирование	-,556	,496
Чувство вины	,549			Эскапизм	,529	,302
Принятие других	-,526			Вина отделения	,513	
Эскапизм	,524	,279		Принятие себя	-,513	,335
Ведомость	,517	-,153		Непринятие дру-	,506	,236

Обидчивость	,515	,286
Вина отделения	,467	
СО	,364	-,144
Агрессивность	,121	,839
Раздражительность	,188	,711
Доминантность	-,267	,701
Вербальная Агрессивность		,670
Негативизм	,221	,657
Враждебность	,478	,638
Доминирование	-,472	,521
Се		,485
Физ. агрессивность	,199	,481
Подозрительность	,291	,474
Внутренний Контроль	-,326	,466
Сw		-,442
Косвенная Агрессивность		,423
Эмоц-й комфорт	-,371	,417
Присоединение	-,308	
Эмпатия		
Aw	-,270	
Ie	-,328	,130
Ae	-,293	-,225
Iw	-,385	
Вина гипертв-ти	,354	,148

Extraction Method: Principal Component Analysis
3 components extracted

гих		
Вина гипертв-ти	,495	,174
Обидчивость	,480	,305
СО	,463	-,121
Эмоц-й комфорт	-,407	,400
Агрессивность		,844
Раздражительность	,179	,719
Доминантность	-,257	,692
Вербальная агрессивность		,670
Негативизм	,127	,660
Враждебность	,362	,650
Се		,492
Физ. агрессивность		,481
Подозрительность	,172	,478
Внутренний контроль	-,226	,462
Сw	,131	-,436
Косвенная агрессивность		,428
Присоединение		
Aw		
Iw	-,167	
Ie	-,115	,133
AE		-,220
Принятие других	-,340	
Принятие других	-,532	-,231
Эмпатия	,241	

Примечание: Ie - незаинтересованность, Iw – заинтересованность, Ae - эмоциональная отчужденность, Aw – эмоциональная близость, Се - доминирование, ответственность, Сw-подчинение, безответственность.

Анализ данных выявил наличие двух наиболее сильных факторов, имеющих вес: 11,563 и 5,753. Увеличение числа анализируемых факторов было нецелесообразным. Ротация осуществлялась методом «*varimax*» вращения. В результате ротации была получена упорядоченная факторная матрица, дающая основание для содержательной интерпретации факторов. В качестве критерия вхождения переменной в фактор был принят факторный вес > 0,35.

Таблица показывает, что первый фактор следует интерпретировать как *фактор затрудненного общения*. В него, с положительным факторным весом, наряду с показателями всех шкал вины: вины ненависти к себе (0,656), вины выжившего (0,626), вины отделения – (0,513), вины гиперответственности (0,495); чувства вины (тест Басса-Дарки) – (0,596), а также

сенситивности к отвержению, которую автор опросника, Меграбян, интерпретирует как способность к возникновению адекватного чувства вины (0,463), вошли такие отношения личности, как непринятие себя (0,782) и других (0,506), экстернальность (0,773), ведомость (0,653), эскапизм (0,529), обидчивость, т.е. неприязнь и зависть к другим (0,480), враждебность (0,362), а также эмоциональный дискомфорт (0,804) и дезадаптивность (0,891). С отрицательным весом в данный фактор соответственно вошли принятие себя и других, интернальность, доминирование, эмоциональный комфорт, социальная адаптированность.

Второй фактор следует интерпретировать как фактор *импульсивно-агрессивных отношений*. Он не включает в себя ни социально-психологических характеристик личности, ни показателей вины.

Таким образом, данные, полученные с помощью корреляционного и факторного анализа исследуемых показателей, позволяют сделать вывод, что гипотеза о вине и стыде как интегральных характеристиках системы отношений личности, в которую включены непринятие себя и других, враждебность, подозрительность, обидчивость, экстернальность и ведомость, подтвердилась. Результаты показали, что характеристики человека, склонного к переживанию вины, соответствуют моделям субъекта затрудненного общения, разработанным упоминавшимися выше отечественными психологами (В.А.Лабунская, Ю.А.Менджерицкая, М.Т.Ногерова).

В заключение следует сказать, что вина, призванная играть в жизни общества конъюнктивную роль, т.е. роль социального регулятора, способствующего его интеграции, на практике приобрела дизъюнктивные функции. Подобный результат мы объясняем тем, что зрелое осознанное чувство вины, разрешение которой происходит в покаянии и искуплении, представляет собой идеальную модель, далеко не всегда находящую воплощение в жизненной действительности. Если же обратиться к реальной социальной картине, к внутренней жизни большинства наших современников, то обнаруживается, что в психической реальности преобладают неосознаваемые, иррациональные формы вины, затрудняющие общение и снижающие способность человека к социальной адаптации.

Вина, к сожалению, выступает барьером общения, делая его чрезмерно напряженным, конфликтным, либо вовсе вынуждает человека избегать контактов с теми, перед кем он чувствует вину. Переживание вины нарушает социальную перцепцию, делает человека чрезмерно уступчивым, ведомым, одновременно обидчивым, подозрительным, враждебным, не при-

нимающим ни себя, ни других. Вина заставляет играть в игры, скрытые мотивы которых позволяют людям манипулировать ближними или принимать на себя роль манипулируемого. Она носит настолько тотальный характер и имеет такую мощь, что способна вызывать общественные конфликты в форме классовых и религиозных войн, межнациональных конфликтов и расовой дискриминации, истребления и гонений по отношению к наиболее выдающимся, талантливым людям.

Проведенное нами исследование показало, что те формы переживания вины, которые присущи современному человеку (среди них – ряд неосознаваемых или полуосознанных форм вины, таких как вина оставшегося в живых, вина отделения, гиперответственности, ненависти к себе), требуют психологической коррекции либо психотерапии. Назначение последней – помощь в осознании человеком присущих ему иррациональных форм вины. Понимание человеком своих переживаний, связанных с виной, последующая интеграция их в личность позволят ему обрести целостность, а значит и большую личностную зрелость. Однако способы коррекционной работы, предметом которой является вина, – это уже другая, самостоятельная тема.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреас С., Андреас К. Сердце разума. Практическое использование методов НЛП. Волковыск, 1997.
- Берн Э. Игры, в которые играют люди // Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. Лениздат, 1992.
- Бернс Д. Тайна настроения. М.: Рипол Классик, 1997.
- Бреус Е.Д. Динамика представлений о себе и другом как трудном партнере общения в результате социально-психологического тренинга: Дисс. канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 1999. 204 с.
- Бубер М. Вина или чувство вины? Московский психотерапевтический журнал, 1999, № 1, с.59-86.
- Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб.: Питер, 1999. С.19.
- Вайсс Д. Как работает психотерапия. М.: Класс, 1998.
- Власова Т.В. Личностный рост психолога: от эмпирии к онтологии вины. Московский психотерапевтический журнал, 1999, № 1, с.87-96.
- Гаврилица О.А. Чувство вины у работающей женщины // Вопросы психологии, 1998, № 4.
- Гозман Л.Я. Психология эмоциональных отношений. М.: Издательство Московского университета, 1987. 175 с.
- Горянина В.А. Психологические предпосылки непродуктивного стиля межличностного взаимодействия // Психологический журнал. 1997. т.18. № 6. С.73-83.
- Доценко Е.Л. Психология манипуляции. М.: изд-во МГУ, 1996.
- Изард К.Е. Эмоции человека. М.: Изд-во МГУ, 1980.
- Каган М.С., Эткинд А.М. Общение как ценность и как творчество // Вопросы психологии, 1988, № 4.
- Кемпински А. Психопатология неврозов. Варшава: Польское медицинское издательство, 1975.
- Короткова Е.В. Социально-психологический анализ вины и стыда как системы отношений личности к себе и другому: Дисс. канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2002.
- Куницина В.Н. Нарушения, барьеры, трудности межличностного неформального общения // Актуальные проблемы психологической теории и практики. СпбГУ, 1995. С.82-92.
- Куницина Н.В. Стиль общения и его формирование. Л.: Знание, 1985. 20 с.18-20.

- Лабунская В.А. От проблемы затрудненного общения к постановке проблемы «субъект затрудненного общения» // Психологический вестник. Вып. 2. Ростов-на-Дону: РГУ, 1997.
- Литвак М.Е. Если хочешь быть счастливым. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995.
- Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 443с.
- Менджерицкая Ю.А. Особенности эмпатии субъектов затрудненного и незатрудненного общения в ситуациях затрудненного взаимодействия: Дисс. канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 1998.
- Ногерова М.Т. Представления о субъекте затрудненного общения у учителей Кабардино-Балкарии: Дисс. канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 1997.
- Нойман Э. Глубинная психология и новая этика. СПб.: Гуманитарное агентство Академический проект, 1999.
- Пацявичус И.В. Эмоциональность и самооценка организации деятельности // Вопросы психологии. 1985. № 4. С.134-139.
- Поршнева Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979..
- Растигеев А.П. Социальная адаптация и ответственность личности // Социальная адаптация и вопросы нравственного воспитания личности. Барнаул: Барнаульский Государственный Педагогический институт, 1984. С.68-74.
- Рюмина Л.И. Игры и манипуляции в межличностном общении. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1997.
- Сидоренко Ю.И. Место и роль нравственных чувств в системе морального сознания. // Вестник Московского университета, 1971, № 5.
- Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994.
- Снегирева Т.В. Понятие приспособленности и проверка на валидность шкалы приспособленности // Социально-психологические проблемы формирования личности и учебно-воспитательного коллектива. Сб. трудов. М., 1975. С.38-51.
- Снегирева Т.В. Соотношение объективных и субъективных компонентов социально-психологической адаптированности личности // Экспериментальные исследования по проблемам общей, социальной психологии и дифференциальной психофизиологии. Сб. научных трудов. М., 1976. С.116-125.
- Стрелкова И.Э. К проблеме психодиагностики и коррекции трудностей межличностного общения студентов // Психологические трудности общения. Сб. статей. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, С.3-7.
- Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения // Я и Оно. Тбилиси: Сутубхтдф N/D/Мерани, 1991.
- Фромм Э. Человек для себя. Минск: Коллегиум, 1992.
- Хорни К. Концепция Сверх-Я // Новые пути в психоанализе / Собр. соч. в 3 томах, т.2. М.: Смысл, 1997.
- Хорни К. Невротическое чувство вины // Невротическая личность нашего времени / Собр. соч. в 3 томах, т.1. М.: Смысл, 1997.
- Шевандрин Н.И. Концептуальные и прикладные основы социальной психологии // Социальная психология в образовании. – Выпуск № 2. Ростов-на-Дону, 1993.
- Шостром Э. Анти-Карнеги, или человек-манипулятор. Минск, ТПЦ «Полифакт», 1992.
- Daly J.A., McCroskey J.C. Avoiding communication. Newbury Park, CA: Sage, 1984. 145 p.
- Spitzberg B., Cupach W.R. Interpersonal communication competence. London: Sage publications. 1984. 242 p.